

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018920-8

Готье против Верлена: об одном предпочтении Н. Гумилева во французской поэзии

© 2022 г. К. В. Брылева

Аспирант, преподаватель Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
kvbryl@mail.ru

Резюме. В статье анализируется отношение Николая Гумилева к Теофилю Готье и Полю Верлену, прослеживается история возникновения идеи противопоставить двух французских поэтов друг другу. Автор опровергает тезис о том, что отношение Гумилева к Верлену со временем смягчилось, и доказывает, что мнение Гумилева о Верлене оставалось неизменным, хотя и противоречивым.

Ключевые слова: Николай Гумилев, Теофиль Готье, Поль Верлен, акмеизм, французская поэзия.

Для цитирования: Брылева К.В. Готье против Верлена: об одном предпочтении Н. Гумилева во французской поэзии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 96–104. DOI: 10.31857/S160578800018920-8

Gautier Versus Verlaine: Nikolay Gumilyov's Preferences in French Poetry

© 2022 Katerina V. Bryleva

Post-graduate student, teaching instructor at the National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
kvbryl@mail.ru

Abstract. The article examines N. Gumilyov's attitude towards T. Gautier and P. Verlaine and traces the origin of the opposition between these French poets. The author refutes the thesis that Gumilyov's opinion of Verlaine softened over time, and proves that it remained unchanged, albeit contradictory.

Key words: Nikolay Gumilyov, Théophile Gautier, Paul Verlaine, acmeism, French poetry.

For citation: Bryleva, K.V. *Gotje protiv Verlaine: ob odnom predpochtении N. Gumileva vo francuzskoj poezii* [Gautier Versus Verlaine: Nikolay Gumilyov's Preferences in French Poetry]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 96–104. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018920-8

В неоконченном шуточном стихотворении Мандельштама о Гумилеве есть такие строки:

Автоматичен, вежлив и суров,
На рубеже двух славных поколений
Забыл о бесхарактерном Верлене
И Теофиля принял в сонм богов [1, с. 319].

Точное время написания стихотворения неизвестно: в комментарии к собранию сочинений Мандельштама А.Г. Мец рассматривает и затем отвергает версию о том, что стихотворение следует датировать 1915 годом: “Ст-ние, вероятнее, было написано раньше – в 1913 г. (не ранее осени 1912 г.)” [2, с. 695].

Гумилев публикует первые переводы из Готье и статью о нем еще в 1911 г., тогда как переведенный им сборник Готье “Эмали и камней” появится на русском языке годом позже, в 1914 г. Почему тогда исследователь выбирает для датировки именно 1913 год? А.Г. Мец объясняет свой выбор следующим образом: «Сравнительная характеристика Поля Верлена и Теофиля Готье в ст-нии (ст. 3–4) основывается, по-видимому, на том, что Готье был назван Гумилевым среди имен, составлявших “краеугольные камни акмеизма”» [2, с. 695].

Речь идет о программной гумилевской статье 1913 г. “Наследие символизма и акмеизм”, так называемом акмеистическом манифесте, опубликованном в январском номере “Аполлона”, в котором Гумилев называет Готье в одном ряду с Шекспиром, Рабле и Вийоном [3, с. 150] и таким образом причисляет его к великим и актуальным для акмеизма авторам, то есть, следуя формулировке Мандельштама, “принимает в сонм богов”.

Этот факт объясняет появление в стихотворении Готье, но не Верлена, поскольку последний в статье Гумилева не упоминается. Зато его имя возникает в статье, вышедшей одновременно с гумилевской, — акмеистическом манифесте С. Городецкого “Некоторые течения в современной русской поэзии”, где Гумилеву дается следующая характеристика:

Действительно, надо было иметь много отваги и бескорыстной любви к будущему, чтобы в то время, когда расцвета своего достигла лиро-магическая поэзия, исповедать и в лирике завет Теофиля Готье:

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней! —
Стих, мрамор или металл.

Как новый и бесстрашный архитектор, Н. Гумилев решил употреблять в поэзии только “бесстрастный материал”. В этом решении тем большая видна дерзость, что по характеру своей поэзии Н. Гумилев

скорее всего лирик, — музыка Верлена, магия Блока, — вот какие первоклассные твердыни он не побоялся атаковать из любви к беспристрастию [4, с. 89].

Хотя в приведенном фрагменте Готье противопоставляется не только французскому поэту, но и русскому — Блоку, мы встречаем здесь ту же антитезу, что и в стихотворении Мандельштама: Готье против Верлена, Верлен, “забытый” ради “бога” Готье. Городецкий использует это противопоставление для того, чтобы подчеркнуть, какое серьезное творческое решение принято его коллегой по цеху — стремиться к бесстрастности в своей поэзии, несмотря на изначальную склонность к лиризму.

Та же антитеза, рассмотренная, впрочем, не на материале творческой эволюции Гумилева, а скорее в историко-литературном контексте, обнаруживается в статье Василия Львова-Рогачевского “Символисты и наследники их” (июль 1913 г.): автор рассказывает о том, как на смену поколению Т. Готье и братьев Гонкуров, равнодушных к музыке¹, пришло поколение Малларме и Верлена, напротив, музыку превозносящих [6, с. 248]. Как и в тексте Городецкого, здесь присутствует связка “Верлен и музыка” — во многом из-за известнейшей верленовской строки “De la musique avant toute chose...” (“Музыки прежде всего...”) из стихотворения “L’art poétique” (“Поэтическое искусство”). По Львову-Рогачевскому, акмеисты отвергают музыкальность, как в свое время и Готье [6, с. 249].

Более подробно исследует нелюбовь акмеистов к музыке К. Чуковский в рецензии 1915 года на книгу стихов С. Городецкого “Цветущий посох”:

Акмеисты ненавидят музыку: они всячески ее вытравливают из своих душ и стихов. Магические чары лирной музыки, пьянившие доселе поэтов, кажутся им лживее лжи. Их задача: преодолеть эти чары. Если Верлен восклицал: “Музыки прежде всего!” — то они, ему наперекор, повторяют: “Архитектуры, скульптуры!”. Строй свою поэму, как башню, как часовню, как мост, будь не музыкантом, но каменщиком. У акмеистов Эренбурга и О. Мандельштама много таких каменных стихов [7, с. 404].

У Чуковского Верлен и музыка противопоставляются творчеству и идеологической позиции

¹ В отношении к музыке Н.С. Гумилев стоял на стороне Т. Готье: ср. свидетельство С. Маковского, который пишет в своих воспоминаниях: «Гумилев настолько восхищался французским Учителем, что хотел быть похожим на него и недостатками. Готье не понимал музыки. Не раз говорил мне Николай Степанович не без гордости, что и для него симфонический оркестр не больше, как “неприятный шум”» [5, с. 68].

акмеистов с их любовью к скульптуре (метафора “поэт как скульптор”, по-видимому, напрямую взята из стихотворения Готье “Искусство”) и архитектуре².

Наиболее явно противопоставление Верлен — Готье проговаривается в статье В.М. Жирмунского “Преодолевшие символизм” (1916), которую Гумилев считал лучшим из всего, что написано об акмеизме “со стороны”³:

Если символисты ссылались на поэтическое учение Бодлера о “соответствиях” (“correspondances”) и на слова Верлена “De la musique avant toute chose!.. Pas la couleur, rien que la nuance!” (“Музыки прежде всего!.. Не надо тонов, только оттенки!”), то Гумилев приводит слова любимого им поэта Теофиля Готье:

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней! —
Стих, мрамор или металл [9, 450].

Заметим, что, как и в случае с акмеистическим манифестом Городецкого, Верлен и Готье являются у Жирмунского не единственными участниками противопоставления: у Городецкого к Верлену присоединился Блок, здесь в роли его союзника выступает Бодлер. Однако именно сравнение с Верленом оказывается для тех, кто писал о новой поэтической школе, удобным способом показать то новое, что акмеисты привносят или пытаются привнести в русскую поэзию. Позднее это противопоставление возникает как уже вполне очевидное в статье все того же Городецкого 1918 г.:

Я говорю о парнасизме. Он свил себе гнездо в цехе поэтов, где <...> появилось течение, выдвигавшее как образец поэзию Теофиля Готье (Гумилев, Мандельштам). После перевода Гумилевым книги “Эмали и Камеи” это течение несколько распространилось. Его сторонники противопоставили верленовской музыке требование внешней скованности стиха, лиризм они заменили продуманностью, искренность — искусственностью, от образа они требовали не музыкальной эмоции, а пластической неподвижности [10, с. 4].

Актуальна ли была эта антитеза для самого Гумилева? Какова была его оценка Т. Готье и П. Верлена? Противопоставлял ли он двух этих

поэтов друг другу? Попробуем наметить вариант ответа сначала на вопрос о Готье, поскольку об отношении Гумилева к нему прямых свидетельств существует больше.

Еще в 1911 г. Гумилев публикует статью о Готье, а также перевод четырех его стихотворений в журнале “Аполлон”. Тексты этих стихотворений французского поэта, прибавив к ним перевод стихотворения Готье “На берегу моря”, Гумилев впоследствии вставляет в свою книгу “Чужое небо” (вышла в апреле 1912 г.). Г.П. Струве отмечал, что “ни до, ни после того Гумилев не включал переводов в сборники своих оригинальных стихов” [11, с. 564], следовательно, из всех переводимых им поэтов именно Готье воспринимался Гумилевым настолько интимно, что можно было сделать его стихи составляющей частью собственной поэтической книги. Затем Гумилев целиком переводит главный поэтический сборник Готье “Эмали и камеи” (этот перевод вышел в 1914 г.), что, согласно Г.К. Косикову, “следует рассматривать как программную для Гумилева-акмеиста акцию” [12, с. 310].

Более того, согласно воспоминаниям С. Маковского о Гумилеве, “Готье был для него идеалом поэта” [5, с. 68]. Гумилев подчеркивает совершенство его произведений и в своем акмеистическом манифесте (“Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды *безупречных*⁴ форм” [3, с. 150]), и в статье о Готье 1911 г. («даже до 1857 года, когда Бодлер, посвящая Теофилю Готье свои “Цветы Зла”, назвал его *непогрешимым* поэтом и совершеннейшим волшебником французской словесности, мнение о безусловной *безупречности* его произведений разделялось во всех кругах, не чуждых литературе» [3, с. 100]). Не менее важна для Гумилева идея Готье о том, что настоящее искусство невозможно без трудовых усилий: «Такое творчество требует мощного и равномерного напряжения всех сил духа, и Теофиль Готье провозгласил лозунг “крепкого искусства” (*l'art robuste*), которому единственно принадлежит вечность» [3, с. 227] (1920). Как мы уже отмечали чуть выше, в стихотворении “L'art” Готье сравнивает поэта со скульптором: ему предписывается “бороться” с материалом — неподатливым, твердым, сопротивляющимся⁵. И именно эту идею максимального сопротивления Гумилев делает лозунгом нового литературного направления — акмеизма: “...акмеистом труднее быть, чем

² Говоря об архитектуре, Чуковский может отсылать к уже упомянутому манифесту Городецкого, где Гумилев сравнивается с архитектором, хотя, вероятнее всего, этот вид искусства возникает под влиянием упомянутых стихотворений Эренбурга и Мандельштама (первый, как мы знаем, акмеистом не был).

³ См. письмо Гумилева к Л. Рейснер: “Я прочел статью Жирмунского. Не знаю, почему на нее так ополчались. По-моему, она лучшая статья об акмеизме, написанная сторонним наблюдателем, в ней много неожиданного и меткого” [8, с. 202].

⁴ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — К.Б.

⁵ “Lutte avec le carrare, / Avec le paros dur / Et rare, / Gardiens du contour pur” [13, с. 200].

символистом, как труднее построить собор, чем башню. А один из принципов нового направления — всегда идти по линии наибольшего сопротивления» [3, с. 148].

Если отношение Гумилева к Теофилю Готье в достаточной мере изучено, о его взглядах на поэзию Верлена известно гораздо меньше. Пожалуй, самая подробная попытка кратко суммировать отношение Гумилева к Верлену предпринята в комментариях к гумилевскому восьмитомному собранию сочинений (Баскер и др.):

Отношение к Полю Верлену (Verlaine, 1844–1896) как к адепту “чистого искусства”, яркому, но содержательно-неглубокому (если не “бессодержательно-му”, особенно — в сопоставлении с Теофилом Готье и Леконтом де Лилем) характерно для Гумилева в годы “Преодоления символизма” (см. стр. 14–19 № 24 наст. тома). В дальнейшем он, по всей вероятности, пересмотрел свои взгляды: по свидетельствам Е.Г. Полонской и С.К. Эрлих, Гумилев сочувственно цитировал “Поэтическое искусство” и другие верленовские стихи на занятиях по теории поэзии в 1919–1920 гг. (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 157⁶, 189) [14, с. 413].

В подтверждение тезиса о прохладном отношении Гумилева к Верлену в комментарии дается ссылка на следующий фрагмент статьи “Жизнь стиха”, где, разбирая идеологию представителей “искусства для жизни” и “искусства для искусства”, Гумилев пишет о последних:

Для нас, принцев Песни, властителей замков грезы, жизнь только средство для полета: чем сильнее танцующий ударяет ногами землю, тем выше он поднимается. Чеканят ли мы свои стихи, как кубки, или пишем неясные, словно пьяные, песенки, мы всегда и прежде всего свободны и вовсе не желаем быть полезными. Отсюда — Эредиа, Верлен, у нас — Майков [3, с. 51].

Как кажется, комментарий из собрания сочинений Гумилева требует уточнения. Прежде всего, статья “Жизнь стиха” написана в 1910 г., поэтому назвать этот период временем “преодоления символизма” можно лишь с большой натяжкой⁷, о чем говорит и тот факт, что статья заканчивается словами: “Теперь же мы не можем не быть символистами. Это не призыв, не пожелание, это только удостоверяемый мною факт” [3, с. 60].

⁶ В собрании сочинений номер страницы указан неверно, должно быть с. 159.

⁷ В статье “Анненский и Гумилев” Р.Д. Тименчик датирует (со ссылкой на Ахматову) первое “акмеистическое” стихотворение Гумилева 1911 годом: «13 апреля 1911 года в Обществе ревнителей художественного слова Гумилев прочел стихотворение “Блудный сын” и был резко раскритикован Вячеславом Ивановым. Ахматова называла “Блудного сына” первой акмеистической вещью Гумилева <...>» [15, с. 257].

Кроме того, хотя процитированный фрагмент отчетливо ироничен, Гумилев столь же скептически пишет об адептах “искусства для жизни”: «Крестьянин пашет, каменщик строит, священник молится, и судит судья. Что же делает поэт? Почему легко запоминаемыми стихами не изложит он условий произрастания различных злаков, почему отказывается сочинить новую “Дубинушку” или обсахаривать горькое лекарство религиозных тезисов?» [3, с. 51]. И хотя далее Гумилев склоняется к тезису “искусства для жизни” (“Все же, если выбирать из двух вышеприведенных тезисов, я сказал бы, что в первом больше уважения к искусству и понимания его сущности” [3, с. 52]), нельзя сказать, что он критикует Верлена именно за приверженность концепции “искусства для искусства”. Ведь еще одним последователем, если не сказать создателем этой концепции был как раз Теофиль Готье, и это вовсе не мешало Гумилеву впоследствии “преодолевать символизм”, вооружившись его именем.

Наконец, требует уточнения тезис о сочувственном цитировании Верлена в 1919–1920 гг. Е. Полонская и С. Эрлих действительно упоминают Верлена в связи с Гумилевым:

Все, чему он учил нас, было пронизано борьбой с риторикой и декламацией, — в этом сказывалось влияние на него французского символизма. “Музыки, музыки прежде всего!” — требовал он вслед за Верленом (Е.Г. Полонская о занятиях в студии “Всемирной литературы”) [16, с. 159].

Очень любил и хорошо знал французскую поэзию. Часто отводил занятия для знакомства с так называемыми современными течениями. Упомянул Верлена, Бодлера, Малларме, Леконта де Лиля, Шарля Вильдрака (С. Эрлих) [17, с. 189].

Однако Гумилев начинает “сочувственно цитировать” самое известное стихотворение Верлена “L’art poétique” задолго до преподавания в литературной студии при издательстве “Всемирная литература”. Уже в 1908 г. он пишет в комплиментарном отзыве на сборник Кузмина “Сети”:

Вместе с Верленом разделяет он ненависть к так называемой литературе (1908) [3, с. 14].

Имеется в виду последняя строка стихотворения Верлена: “Et tout le reste est littérature” (“Все остальное — литература”).

Скрытую цитату из все той же строки (которая, впрочем, к этому времени вошла в русскую культуру и стала крылатым выражением) можно встретить и в гумилевском отзыве на поэтическую книгу Владимира Пяста “Ограда”:

Но Вл. Пяст живет в наше время, ему нельзя молиться, ему надо писать стихи. И вот, чтобы получилось стихотворение, он присочиняет к строкам вдохновенным строки искусно сделанные, поэзию мешает с литературой (1909) [3, с. 41].

Слово “литература” здесь явно употреблено Гумилевым в уничижительном смысле.

Более того, находя в стихотворениях сотоварищей по “Цеху поэтов” верленовские мотивы, Гумилев уже в начале и середине 1910-х годов отзывался о них с одобрением. Так, в рецензии на книгу стихов Г. Иванова “Вереск” он с сожалением говорит об исчезновении стихотворений, вдохновенных Верленом:

И так грустно не встречать в “Вереске” прежних милых и простых песенок, слегка “под Верлена”, читая которые не знаешь, ощущение ли так легко оковывается ритмом, или ритм сам порождает ощущение, в то время как рифмы звенят, словно хлопанье детских ладошек в такт незатейливой пляске (1916) [3, 194].

Другой пример — рецензируя книгу стихов Мандельштама “Камень”, Гумилев вновь упоминает “Поэтическое искусство” Верлена:

“Silentium” с его колдовским призыванием до-бытия — “останься пеной, Афродита, и, слово, в музыку вернись” — не что иное, как смелое договаривание верленовского “L’Art poétique” (1916) [3, с. 198].

Наконец, Гумилев говорит о поэзии Верлена как о безусловно важной составляющей части истории французской поэзии в статьях о Готье и Бодлере:

Прошло сорок лет со дня смерти Теофиля Готье. Мы много пережили за это время. Верлен требовал “оттенков, и только оттенков” и заставил нас полюбить “серую песенку”. Малларме учил нас писать стихотворения, более похожие на кабалистические знаки <...> (“Теофиль Готье”, 1911) [3, 105].

Вот язык, которым никто не говорил до Бодлера, да и после многие ли? Теофиль Готье, Верлен, кто же еще? (“Поэзия Бодлера”, 1919) [3, с. 233].

Откуда же тогда берется представление о прохладном отношении Гумилева к Верлену? Самая подробная оценка поэзии Верлена содержится в гумилевской рецензии 1912 г. на книгу переводов Валерия Брюсова “Поль Верлен. Собрание стихов”⁸. Как и в других своих статьях и рецензиях, здесь Гумилев прежде всего говорит о важном месте Верлена в истории мировой поэзии — с этого начинается статья:

Странная судьба выпала на долю Верлена. Предыдущее поколение, как-то сразу после долгого невнимания, провозгласило его своим мэтром, его имя было девизом, его стихами зачитывались. Даже и теперь следующие символисты, вроде Ренэ Гиля, великодушно позабыв бывшие распри, посвящают ему целые исследования [3, с. 116].

Однако затем оммаж Верлену сменяется его критикой:

Но молодое поколение французов, в лице своих наиболее ярких представителей, упорно не хочет о нем думать. У нас тоже. Из модернистов его переводили только Брюсов, Анненский и Сологуб. Молодость молчит. Этому факту может быть много объяснений. Например: символизм при своем возникновении имел много общего с романтизмом, расширенным, углубленным и облагороженным. А Верлен является прямым продолжателем столь дорогого романтикам Виллона. Он был искренен, влюбчив, свободно-изыщен, набожен и развратен, — в самом деле пленительная фигура, когда у людей есть запас веселой и бездумной энергии, не растраченной их сонливыми отцами, парнасцами или косноязычными поэтами наших восьмидесятых годов. Но у молодежи нет такого богатого наследства, а привычка к веселью осталась, и вот она строже выбирает своих любимцев, требуя от них широких замыслов и достойного их выполнения, сознательных и плодотворных усилий и не ребяческого воодушевления, а священного огня Прометея. У Верлена, очевидно, этого не было. Его поэзия — это лирическое интермеццо, драгоценное, как человеческий документ и характеристика эпохи, но и только [3, с. 116].

Попробуем сформулировать, в чем состоят претензии Гумилева к французскому поэту. Для начала обратим внимание на то, что, давая характеристику Верлену, Гумилев говорит не только о его поэзии, но и о его характере и образе жизни — возможно, под впечатлением от вступительной статьи Брюсова, в которой тот подробно рассказывает о биографии и творческом пути Верлена. Неудивительно, что жизнь поэта привлекает такое пристальное внимание Гумилева, ведь для него, как и для многих его современников из артистической среды, была чрезвычайно важна идея жизнотворчества. С этой точки зрения жизнь Верлена — с его зависимостью от алкоголя, разрушительными для него гомосексуальными влюбленностями⁹, жизнь, закончившаяся в нищете, — не могла вызывать у Гумилева желания ему подражать. Особенно если вспомнить, что идеалом творца и человека был для Гумилева совсем другой поэт — Теофиль Готье, обладавший,

⁸ Несколько ранее, еще в 1911 г. Гумилев, получив от Брюсова книгу переводов из французского поэта, пишет ему: “Благодарю Вас за переводы Верлена (они мне очень и очень понравились)” [8, с. 152].

⁹ Ср. воспоминания О. Гильдебрандт-Арбениной: «Я как-то спросила у Гумилева, нравились ли ему когда-нибудь мальчики. Он чуть не с возмущением сказал: “Ну, конечно, нет!” (ведь он был крайне мужского типа и вкусов)» [18, с. 454].

в представлении Гумилева, железным здоровьем¹⁰, громадной работоспособностью¹¹ и невероятной силой духа¹². В гумилевском пассаже: “Но у молодежи нет такого богатого наследства...” даже делается неявная отсылка к Готье — сравните в финале статьи Гумилева о Готье 1911 г.: “В литературе нет других законов, кроме закона *радостного и плодотворного усилия*, — вот о чем всегда должно нам напоминать имя Теофиля Готье” [3, с. 106]. Здесь прилагательное “радостный” перекликается с “весельем” из статьи о Верлене, а словосочетание “плодотворное усилие” повторяется практически дословно. Вероятно, говоря об условной “молодежи”, Гумилев на самом деле говорит прежде всего о себе. Это для него самого Верлен никак не может быть образцом для подражания, тогда как для его современников — вполне (в частности, Верлен был очень важной фигурой для Мандельштама, особенно для раннего).

Вторая претензия Гумилева к Верлену касается его стихотворений. Гумилев утверждает: “Его поэзия — это лирическое интермеццо, драгоценное, как человеческий документ и характеристика эпохи, но и только” [3, с. 116]. Помимо очередного указания на то, что поэзия Верлена не актуальна для настоящего времени, Гумилев отстаивает следующую точку зрения: стихи Верлена — это всего лишь стихи, не больше, то есть русский поэт упрекает французского в отсутствии масштабных свершений.

Для того чтобы понять суть этой претензии, нужно вспомнить о том, что для Гумилева поэзия никогда не была “просто поэзией”. Как пишет Н.А. Богомолов, сравнивая Гумилева с Рембо: “Гумилев разочарования в магии, идентифицировавшейся с поэзией, не пережил. До самого конца жизни у него оставалось представление, что во главе общества должны стоять друиды, поэты-маги, живущие в нынешнем мире почти отверженно, но предназначенные для исполнения своей высокой, полубожественной миссии где-то в будущем” [19, с. 8]. К.И. Чуковский

также вспоминал об особом отношении Гумилева к поэтам:

Слово ПОЭТ Гумилев в разговоре произносил с каким-то особенным звуком — ПУЭТ — и чувствовалось, что в его представлении это слово написано огромными буквами, совсем иначе, чем все остальные слова.

Эта вера в волшебную силу поэзии, “солнце останавливавшей словом, словом разрушавшей города”, никогда не покидала Гумилева. Отсюда, и только отсюда то чувство необычайной почтительности, с которым он относился к поэтам и раньше всего к себе самому, как к одному из носителей этой могучей и загадочной силы [20, с. 136].

Отсутствие этой сверхъестественной “силы” смущает Гумилева в Верлене — и именно обладание ей он приписывает своему любимцу Готье: “...секрет Готье не в том, что он совершенен, а в том, что он могуч, заразительно могуч, как Рабле, как Немврод, как большой и смелый лесной зверь...” [3, с. 101]¹³. По Гумилеву, Верлен не имел сил и величия двигать вперед поэзию, указывать ей новые пути и таким образом менять мир. Более того, поэзия Верлена, а точнее, его взгляды на поэзию, выраженные прежде всего в стихотворении “*L'art poétique*”, отчасти воспринимаются Гумилевым как шаг назад по сравнению с достижениями Готье, подхваченными, с одной стороны, парнасцами, с другой — Бодлером. Эту мысль Гумилев выражает в 1920 г. в неопубликованном при его жизни предисловии к собранию сочинений Готье, которое готовилось в рамках издательства “Всемирная литература”. В этом предисловии противопоставление Верлен — Готье возникает уже прямо:

Значение Теофиля Готье в истории поэзии велико и своеобразно. <...> Позже, когда французская поэзия разделилась на два рукава, с одной стороны, в журнале парнасцев “Современный Парнас” в первом же номере и на первом месте были напечатаны стихи Готье. А с другой <стороны> — “Цветы зла” Бодлера, книга, положившая, по мнению многих, основание символизма, были посвящены “безгрешному поэту, совершенному волшебнику французского слова Теофилю Готье”. *Только Верлен своей проповедью милого, вольного, несовершенного искусства заставил французских поэтов несколько позабыть того, кто и имел все права быть их учителем* [3, с. 227].

Верлен дарит поэту и стихотворению право быть несовершенными — он заявляет в “Искусстве поэзии”: “*Il faut aussi que tu n'aïlles point / Choisir tes mots sans quelque méprise*” [21, с. 23] (Не нужно, чтобы ты выбирал слова абсолютно

¹⁰ “Умер он шестидесяти одного года, <...> непосильной работой подорвав свое железное здоровье” [3, с. 105].

¹¹ “Ритм найден; осталось только писать. Шедевры следовали за шедеврами. <...> Перечислить все нет возможности. Полное собрание сочинений Теофиля Готье составило бы триста томов” [3, с. 104].

¹² “Как большинство поэтов начала девятнадцатого века, Теофиль Готье унаследовал от Шатобриана и огненную меланхолию, и тоску по дальним странам, и ощущение своего всемогущества. К этому наследству он прибавил только стальную волю и жизнеспособность духа, благодаря которой он неизменно оказывался своим в каждом из сменяющих друг друга поэтических лагерей века” [3, с. 224].

¹³ Ср. в акмеистическом манифесте Гумилева: «Как адами-сты, мы немного *лесные звери* и, во всяком случае, не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению» [3, с. 148].

безошибочно) — и этого-то Гумилев ему и не может простить. Он как выученик Брюсова не хотел представить написание стихотворения без упорной работы над его формой (хотя, разумеется, видел перед собой множество поэтов другого типа). И по той же самой причине — благодаря своему стремлению к совершенству формы — Готье оказывается для Гумилева настолько привлекательной фигурой. В этом случае Готье и Верлен — по крайней мере, в их программных стихотворениях “L’art” и “L’art poétique” — выступают как полные антиподы.

Однако скептическое отношение к личности Верлена и его эстетическим принципам все же не мешало Гумилеву ценить его поэзию и очаровываться ею: так, в сохранившейся библиотеке Гумилева находится не только книга переводов Верлена, сделанных Ф. Сологубом¹⁴, но и оригинальные произведения французского поэта¹⁵. Более того, около 1920 г. Гумилев даже переводит одно стихотворение Верлена “Эпилог (III)”¹⁶ для издательства “Всемирная литература”.

Таким образом тезис комментаторов гумилевского собрания сочинений о том, что отношение Гумилева к Верлену было прохладным в период “преодоления символизма”, а со временем смягчилось, на, наш взгляд, нуждается в серьезных коррективах. По-видимому, мнение Гумилева о Верлене оставалось неизменным, хотя и отчасти противоречивым: отдавая ему важное место в истории европейской и мировой поэзии, Гумилев, тем не менее, не считал его творческий и жизненный путь достойными подражания для себя лично, а взгляды Верлена на то, какой должна быть поэзия, казались ему устаревшими и даже вредными для молодых стихотворцев.

Дело, как нам кажется, не в эволюции отношения Гумилева к Верлену, а в том, что в 1920 г., упоминая Верлена в статье о Готье, Гумилев позволяет себе высказаться более откровенно. Возможно, это объясняется тем, что к 1920 г. Теофиль Готье (во многом именно благодаря переводам Гумилева) уже стал неотъемлемой частью русской культуры. Если в статье о Готье 1911 г. Гумилев

упоминал Верлена и других прославленных поэтов, таким образом легитимизируя менее известного Готье и встраивая его в ряд великих авторов, в 1920 г. Гумилев мог позволить себе честно выразить свое мнение о том, кто *на самом деле* является главным французским поэтом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.
2. *Мец А.Г.* Комментарии // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.
3. *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006.
4. *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О. Лекманов и А. Чабан, предисл. и примеч. О. Лекманова. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Тимофея Маркова, 2014.
5. *Маковский С.* Николай Гумилев (1886–1921) // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Репринтное издание / Ред.-сост., авт. предисл. и комм. В. Крейд. М.: “Вся Москва”, 1990.
6. *Львов-Рогачевский В.* Символисты и наследники их (Отрывок) // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Тимофея Маркова, 2014.
7. *Чуковский К.* “Цветущий посох” // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Тимофея Маркова, 2014.
8. *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. Письма. М.: Воскресенье, 2007.
9. *Жирмунский В.* Преодолевшие символизм // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”; Изд-во Тимофея Маркова, 2014.
10. *Городецкий С.М.* Французские влияния в новой русской поэзии. Бодлэр. Верлэн. Верхарн // Кавказское слово. Тифлис, 1918, 16 февраля.
11. *Струве Г.П.* Творческий путь Гумилева // Н.С. Гумилев. Pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000.
12. *Косиков Г.* Готье и Гумилев // Готье Т. Эмали и камни. М.: Радуга, 1989.
13. *Готье Т.* Эмали и камни. М.: Радуга, 1989.
14. *Баскер М. и др.* Комментарии // Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006.

¹⁴ “Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908. 89, 3 с. (Сологуб Ф. Стихи. Книга седьмая. Переводы из Верлена). Переплет Гумилева” [22, с. 431].

¹⁵ “Verlaine P. Œuvres complètes. Paris: Libr. L. Vanier, éd., 1910. Т. 4. 454 p.” [22, с. 447].

¹⁶ По иронии судьбы, это стихотворение, завершающее первый сборник Верлена “Poèmes saturniens”, написано в “парнасском” духе, который в свою очередь опирался во многом на поэзию Готье.

15. Тименчик Р. Анненский и Гумилев // Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2017.
16. Полонская Е.Г. Студия "Всемирной литературы" // Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников) / Сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991.
17. Эрлих С.К. Воспоминания о Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников) / Сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991.
18. Гильдебрандт-Арбенина О. Гумилев / публ. М. Толмачева, примеч. Т. Никольской // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.
19. Богомолов Н.А. Читатель книг // Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1991.
20. Чуковский К.И. Воспоминания о Н.С. Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников) / Сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991.
21. Verlaine P. Jadis et naguère: poésies. P.: Léon Vanier, Libraire-Editeur, 1884.
22. Филичева В.В. К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н.С. Гумилева // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма). СПб.: Пушкинский Дом, 2017.
- Preface and Commentaries by O. Lekmanov]. St. Petersburg, IC "Gumanitarnaja Akademija" Publ.; Izd-vo Timofeja Markova Publ., 2014. (In Russ.)
5. Makovsky, S. *Nikolaj Gumilev (1886–1921)* [Nikolay Gumilyov (1886–1921)]. *Nikolaj Gumilev v vospominanijah sovremennikov. Reprintnoe izdanie. Red.-sost., avt. predisl. i komm. V. Krejd* [Nikolay Gumilyov in the Memoirs of his Contemporaries. Reprint. Edited and Assembled by V. Krejd, Preface and Commentaries by V. Krejd]. Moscow, "Vsja Moskva" Publ., 1990. (In Russ.)
6. Lvov-Rogachevsky, V. *Simvolisty i nasledniki ih (Otryvok)* [Symbolists and Their Successors (Extract)]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sost. O. Lekmanov i A. Chaban, predisl. i primech. O. Lekmanova* [Acmeism in Criticism. Assembled by O. Lekmanov and A. Chaban, Preface and Commentaries by O. Lekmanov]. St. Petersburg, IC "Gumanitarnaja Akademija" Publ.; Izd-vo Timofeja Markova Publ., 2014. (In Russ.)
7. Chukovsky, K. "Cvetushchij posoh" ["Blooming Staff"]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sost. O. Lekmanov i A. Chaban, predisl. i primech. O. Lekmanova* [Acmeism in Criticism. Assembled by O. Lekmanov and A. Chaban, Preface and Commentaries by O. Lekmanov]. St. Petersburg, IC "Gumanitarnaja Akademija" Publ.; Izd-vo Timofeja Markova Publ., 2014. (In Russ.)
8. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochinenij. V 10 t. T. 8. Pisma* [Complete Works. In 10 Vols. Vol. 8. Letters]. Moscow, Voskresenje Publ., 2007. (In Russ.)
9. Zhirmunsky, V. *Preodolevshie simvolizm* [Those Who Overcame Symbolism]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sost. O. Lekmanov i A. Chaban, predisl. i primech. O. Lekmanova* [Acmeism in Criticism. Assembled by O. Lekmanov and A. Chaban, Preface and Commentaries by O. Lekmanov]. St. Petersburg, IC "Gumanitarnaja Akademija" Publ.; Izd-vo Timofeja Markova Publ., 2014. (In Russ.)
10. Gorodecky, S.M. *Francuzskie vlianiya v novoj russkoj poezii. Bodler. Verlen. Verharn* [French Influences in New Russian Poetry. Baudelaire. Verlaine. Verhaeren]. *Kavkazskoe slovo* [Caucasian Word]. Tiflis, 1918, 16 February. (In Russ.)
11. Struve, G.P. *Tvorcheskij put Gumileva* [Gumilyov's Creative Path]. N.S. Gumilyov. Pro et Contra. St. Petersburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2000. (In Russ.)
12. Kosikov, G. *Gotje i Gumilev* [Gautier and Gumilyov]. *Gautier T. Emali i kamei* [Enamels and Cameos]. Moscow, Raduga Publ., 1989. (In Russ.)
13. Gautier, T. *Emali i kamei* [Enamels and Cameos]. Moscow, Raduga Publ., 1989. (In Russ.)
14. Basker, M. and al. *Kommentarii* [Commentaries]. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochinenij. V 10 t. T. 7. Statji o literature i iskusstve. Obzory. Recenzii* [Complete Works. In 10 Vols. Vol. 7. Articles about Literature and Art. Reviews]. Moscow, Voskresenje Publ., 2006. (In Russ.)

REFERENCES

1. Mandelshtam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 3 t. T. 1. Stihotvorenija* [Full Collection of Poems and Letters. In 3 Vols. Vol. 1. Poems]. Moscow, Progress-Plejada Publ., 2009. (In Russ.)
2. Mets, A.G. *Kommentarii* [Commentaries]. Mandelshtam O.E. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 3 t. T. 1. Stihotvorenija* [Full Collection of Poems and Letters. In 3 Vols. Vol. 1. Poems]. Moscow, Progress-Plejada Publ., 2009. (In Russ.)
3. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochinenij. V 10 t. T. 7. Statji o literature i iskusstve. Obzory. Recenzii* [Complete Works. In 10 Vols. Vol. 7. Articles about Literature and Art. Reviews]. Moscow, Voskresenje Publ., 2006. (In Russ.)
4. Gorodecky, S. *Nekotorye techeniya v sovremennoj russkoj poezii* [Some Movements in Modern Russian Poetry]. *Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sost. O. Lekmanov i A. Chaban, predisl. i primech. O. Lekmanova* [Acmeism in Criticism. Assembled by O. Lekmanov and A. Chaban,

- Works. In 10 Vols. Vol. 7. Articles about Literature and Art. Reviews]. Moscow, Voskresenje Publ., 2006. (In Russ.)
15. Timenchik, R. *Annenskij i Gumilev* [Annensky and Gumilyov]. Timenchik, R. *Podzemnye klassiki: Innokentij Annenskij. Nikolaj Gumilev* [Underground Classics: Innokenty Annensky. Nikolay Gumilyov]. Moscow, Mosty kultury/Gesharim Publ., 2017. (In Russ.)
 16. Polonskaya, E.G. *Studiya "Vsemirnoj literatury"* [School of "World literature"]. *Zhizn Nikolaja Gumileva (Vospominaniya sovremennikov)*. Sost. U.V. Zobnin, V.P. Petranovskij, A.K. Stanjukovich [Life of Nikolay Gumilyov (Memoirs of Contemporaries). Assembled by U.V. Zobnin, V.P. Petranovsky, A.K. Stanjukovich]. Leningrad, Izd-vo Mezhdunar. fonda istorii nauki Publ., 1991. (In Russ.)
 17. Ehrlich, S.K. *Vospominaniya o Gumileve* [Memories of Gumilyov]. *Zhizn Nikolaja Gumileva (Vospominaniya sovremennikov)*. Sost. U.V. Zobnin, V.P. Petranovskij, A.K. Stanjukovich [Life of Nikolay Gumilyov (Memoirs of Contemporaries). Assembled by U.V. Zobnin, V.P. Petranovsky, A.K. Stanjukovich]. Leningrad, Izd-vo Mezhdunar. fonda istorii nauki Publ., 1991. (In Russ.)
 18. Gildebrandt-Arbenina, O. *Gumilev. Publ. M. Tolmacheva, primech. T. Nikolskoj* [Gumilyov. Edited by M. Tolmacheva, commentaries by T. Nikolskaya]. *Nikolaj Gumilev: Issledovaniya i materialy. Bibliografija* [Nikolay Gumilyov: Research and Materials. Bibliography]. St. Petersburg, 1994. (In Russ.)
 19. Bogomolov, N.A. *Chitatel knig* [Reader of Books]. Gumilev, N. *Sochineniya. V 3 t. T. 1. Stihotvorenija; Pojemy* [Works. In 3 Vols. Vol. 1. Poems]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1991. (In Russ.)
 20. Chukovsky, K.I. *Vospominaniya o N.S. Gumileve* [Memories of N.S. Gumilyov]. *Zhizn Nikolaja Gumileva (Vospominaniya sovremennikov)*. Sost. U.V. Zobnin, V.P. Petranovskij, A.K. Stanjukovich [Life of Nikolay Gumilyov (Memoirs of Contemporaries). Assembled by U.V. Zobnin, V.P. Petranovsky, A.K. Stanjukovich]. Leningrad, Izd-vo Mezhdunar. fonda istorii nauki Publ., 1991. (In Russ.)
 21. Verlaine, P. *Jadis et naguère: poésies*. P.: Léon Vanier, Libraire-Editeur, 1884. (In French)
 22. Filicheva, V.V. *K rekonstrukcii i opisaniyu bibliotek F. Sologuba i N.S. Gumileva* [On the Reconstruction and Description of the Libraries of F. Sologub and N.S. Gumilyov]. *Chto i kak chitali russkie klassiki? (Ot kruga chtenija k strategijam pisma)* [What and How did the Russian Classics Read? (From Reading Circle to Writing Strategies)]. St. Petersburg, Pushkinskij Dom Publ., 2017. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 сентября 2021 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 30 октября 2021 г.
 Статья принята к публикации: 02 ноября 2021 г.
 Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on September 23, 2021
 Revised on October 30, 2021
 Accepted on November 02, 2021
 Date of publication: February 28, 2022